

В Готэме, где каждый клочок земли ценился буквально на вес золота, недавно открылась кондитерская. Под нее отвели огромную площадь, но двери заведения почти всегда оставались закрытыми. В удачные недели хозяин открывал торговлю дня на три-четыре, а в неудачные — туда невозможно было попасть и раз в месяц.

О ценах ходили легенды: владелец устанавливал их исключительно под настроение. Избранное лакомство могло обойтись в кругленькую сумму с тремя нулями, а в другой день его могли отдать даром, просто так.

— Говорят, вкус там просто божественный, один раз попробуешь — и на всю жизнь запомнишь, — уныло бормотал Уолли Уэст, растянувшись на полу в зале Башни Титанов.

Взгляд его уставился в потолок, совершенно пустой и сонный, но рот продолжал без умолку изливать душу окружающим. После затяжной и изнурительной битвы ни у кого из команды не осталось сил даже на то, чтобы заткнуть этого несносного болтуна.

— Ну почему?! Я же самый быстрый человек на земле! — Уолли с трудом перевернулся на бок и умоляюще уставился на Дика. — Но стоит мне услышать, что лавка открылась, и примчаться туда, как перед моим носом опускаются роллеты! Хозяин просто издевается над моим метаболизмом!

— Дик, умоляю, сделай милость, заткни его... — со вздохом простонал Тим Дрейк, утыкаясь лицом в диванную подушку и прижимая ее к ушам обеими руками.

Сам Грейсон тоже едва шевелился. После целого месяца непрерывного напряжения в глубинах космоса мало кто сохранил бы способность членораздельно разговаривать, не говоря уже о том, чтобы болтать без умолку, подобно Уолли.

— Обещаю, Уолли, я отведу тебя туда, — сипло выдавил Дик. — А сейчас... дай поспать.

Несколько дней спустя

— Дик, мне кажется, ты меня безбожно надул, — уныло протянул Уолли, скорчив кислую мину.

Одетый в простую повседневную рубашку, он стоял перед кондитерской, чья вывеска недвусмысленно сообщала, что заведение закрыто.

Грейсон спорить не стал. Он молча подошел к массивной двери, выудил из кармана связку ключей и преспокойно провернул замок.

— Слушай, я, конечно, знаю, что ты мастер взлома, — Уолли испуганно заозирался по сторонам, — но грабить кондитерские среди бела дня — это уже слишком, тебе не кажется? Нас же копы повяжут!

Спидстер замер на пороге, готовый в любую секунду сорваться с места. В его воображении уже были полицейские сирены, а перед глазами стоял разгневанный Барри Аллен, которому приходится вносить за него залог. Попасть за решетку из-за пирожного? Да он со стыда сгорит!

Заметив нерешительность друга, Дик вернулся, ухватил его за плечо и бесцеремонно втянул внутрь.

— Да расслабься ты, — ухмыльнулся он.

Уолли подчинился, хотя в его глазах все еще читалось глубокое недоверие.

Но стоило ему переступить порог, как все опасения улетучились, вытесненные искренним изумлением. Внутреннее убранство лавки поражало воображение. Сразу за стеклянными витринами с россыпью изысканных десертов вздымалось исполинское дерево. Его могучий ствол с грубой темно-коричневой корой уходил высоко вверх, пронзая перекрытия и теряясь где-то под самой крышей.

Дик задрал голову, высматривая хозяина, но среди густой листвы никого не увидел. Недолго думая, он выхватил бэт-когть. Гарпун с тихим щелчком зацепился за толстый сук, и через мгновение Грейсон, подхватив Уолли, взмыл на второй этаж.

Здесь было просторно, светло и невероятно уютно. Повсюду на полу лежали мягкие подушки и пуфы, у стен теснились игровые приставки с огромными экранами. Солнечный свет, проходя сквозь особые тонированные стекла, терял свою слепящую резкость и мягким золотистым полуднем разливался по комнате, обволакивая каждый уголок приятным теплом.

— Сатору! — громко позвал Дик, глядя на верхние ветви.

В ответ на самой верхушке кроны зашуршали листья. Белокурый мужчина с лазурными глазами лениво стянул с лица повязку, сладко зевнул и небрежно помахал незванным гостям рукой.

В конце концов, Сатору был уже взрослым человеком и не мог вечно бездельничать в поместье Уэйнов — ему требовалось собственное дело, свой угол. И хотя формально он выбрал кондитерское искусство, его гениальный мозг мимоходом освоил курсы теоретической физики и разработки искусственного интеллекта. Дипломы и патенты Годжо ценились столь высоко, что крупные корпорации заваливали его заманчивыми предложениями, даже не дожидаясь резюме. На его рабочем столе скопилась внушительная стопка писем: приглашения от «Корпорации Уэйн», личные контракты от «Корпорации Старк», а в самом углу сиротливо

ютился запечатанный конверт с логотипом «ЛексКорп».

Для Лекса Лютора не играло роли, что парень числится в любимчиках у Брюса Уэйна. Настоящие таланты нужны всем, а вдруг повезет переманить? Отправляя это письмо, глава корпорации не испытывал ни малейших колебаний.

В то же время Тони Старк и Тим Дрейк хищно выжидали момента его выпуска, твердо намереваясь заграбастать парня себе в помощники. Столь выдающийся интеллект просто обязан был служить делу! Благодаря помощи Сатору Бэтмен за последние годы сократил свои ночные вылазки до одной в неделю. Тим резонно полагал, что раз уж отец получил долгожданную передышку, то и ему не помешало бы свалить часть бумажной рутины на эти крепкие плечи.

Однако величайший маг современности ловко обвел всех вокруг пальца. Стоило ему получить диплом, как он пустил в ход накопления от успешной игры на бирже и дивиденды от удачных инвестиций. Недолго думая, Сатору выкупил в Готэме роскошное просторное здание и обустроил там уютное гнездышко по своему вкусу.

Теперь он преспокойно пек торты, печенье и пышные вафли, используя редкие, безумно дорогие ингредиенты, которые ему доставляли со всех уголков земного шара. Когда у него было дурное настроение, ценник улетал в небеса; когда хорошее — он мог вручить кулинарный шедевр первому встречному просто за красивую улыбку. Словом, Сатору наслаждался жизнью на полную катушку.

— Наша Красная птичка тогда чуть умом не рехнулся от злости, — Дик даже не пытался скрыть злорадства.

Дамиан с головой ушел в патрули и бесконечные тренировки, а в свободное время сбегал развлекаться с Джейд Чан, которая повадилась тайно пробираться в Готэм в поисках приключений. С одной стороны, Брюс вздохнул с облегчением, но с другой — это полностью лишило Тима надежды переложить хоть часть отчетов на младшего брата.

Сам Дик пропадал на службе в полиции Бладхейвена, Джейсон со знанием дела руководил криминальным подпольем под личиной Красного Колпака... Выходило, что во всей огромной семье Уэйнов единственным спасителем Тима от лавины документов мог стать только Сатору. Но не тут-то было! Парень повел себя как хаски, сорвавшийся с поводка: мгновенно открыл собственное заведение и с самым невинным видом отклонил все мольбы о помощи.

Что касается Мегуми и Юдзи — даже самые заядлые трудоголики не додумались бы запрячь в работу семилетних детей, пусть те и соображали быстрее многих взрослых.

Сатору легко спрыгнул с ветки, изящно приземлившись на мягкий ковер.

— Да ладно тебе, у нашей Красной птички отлично получается рулить корпорацией! —

протянул он с лукавой усмешкой.

Возвращаться к унылой жизни офисного раба он не планировал ни под каким соусом.

— И все же, почему ты не появлялся дома в последние дни? — поинтересовался Дик, наблюдая, как Уолли за обе щеки уплетает нежнейшие пирожные, прикрыв глаза от удовольствия.

Обычно Сатору так надолго из поместья не пропадал. Он обожал возвращаться под крыло Альфреда, заявляя, что должен заботиться о «престарелом одиноком человеке», хотя никто в семье так и не понял, кого именно он имел в виду — преданного дворецкого или угрюмого Брюса.

Шли годы, и заветная мечта Альфреда так и осталась неисполненной. Готэм утихомирился, но в поместье Уэйнов так и не появилось ни хозяйки, ни звонкого детского смеха. Зато Сатору вел себя точь-в-точь как домашний кот на свободном выгуле: днем его с огнем не сыщешь, но стоило часам приблизиться к ужину, как на кухне материализовалась белая макушка. Стоило ему открыть рот, и весь дом наполнялся несмолкаемым, капризным мяуканьем. Самое забавное, что Альфред при этом лишь добродушно улыбался, во всем потакая прихотям своего любимца.

— Еще пару дней, только пару дней. Я кое-кого жду, — загадочно улыбнулся Сатору.

Внезапно он замер, вскинул голову и посмотрел сквозь стеклянную крышу на чистое небо. На его губах заиграла мягкая, торжествующая улыбка.

— Тот, кого я ждал... наконец-то пришел.

В этот раз ему не пришлось ждать долгих десять лет.

Дик и Уолли недоуменно переглянулись и уставились в окно, но там не было ничего, кроме пушистых кучевых облаков в бездонной синеве. Пока они пытались разглядеть хоть что-то необычное, Сатору, тихо напевая под нос, уже вовсю гремел дверцами огромного холодильника.

Лишь минут через десять на горизонте проступили едва заметные очертания чего-то странного. Дик спохватился, полез во внутренний карман куртки и выудил оттуда особые очки, которые давным-давно подарил им Сатору. Он быстро нацепил одни себе, а вторые бросил Уолли. Только сквозь эти линзы обычные люди могли созерцать потоки проклятой энергии.

В небесах, величественно извиваясь, парило нечто невероятное — исполинский призрачный змей, напоминающий восточного дракона. Его гладкое чешуйчатое тело, отливающее мертвенной белизной, легко рассекало облака, то скрываясь в пушистых лавинах, то вновь устремляясь ввысь.

— Дик! Глянь, это же дракон! Самый настоящий дракон! — закричал пораженный Уолли.

Спидстер вцепился в плечи друга с такой силой и начал трясти его с такой бешеной частотой, что Грейсон почувствовал себя оголенным проводом под напряжением. Все его тело задрожало мелкой дрожью.

— Да отпусти ты меня... — с трудом выдохнул Дик, мягко отстраняя вибрирующие руки друга.
— Это проклятый дух, забыл? Те очки, что у тебя в руках — одна из последних совместных разработок Лиги Справедливости. Благодаря им мы наконец-то получили возможность не просто фиксировать аномалии приборами, но и видеть их собственными глазами. Это колоссальный прорыв для науки.

На широкой спине призрачного дракона неподвижно стоял мужчина в темном закрытом кимоно. Его длинные угольно-черные волосы свободно развевались по ветру, а причудливая челка то и дело набегала на лоб. Когда дракон пошел на снижение, сквозь пелену облаков наконец удалось разглядеть его лицо, озаренное тихой, умиротворенной улыбкой.

Один лишь взмах призрачных крыльев — и Сугуру Гето опустился у самого входа в кондитерскую.

Гето никогда не считал себя праведником, но и безумцем он тоже не был.

Вывавшись из удушающих тисков консервативного магического мира, он осознал, что вся его прошлая жизнь казалась предрешенной колеей, неизбежно ведущей к гибели. И пускай Сатору твердил, что бывшие раны затянулись, а их дружбе ничто не угрожает, Сугуру никак не мог заглушить голос совести. По всем законам он должен был упокоиться в сырой земле, но память о лучшем друге и вкус теплой гречневой лапши — глупая, сентиментальная привязанность — удержали его на самом краю небытия.

Придя в себя, он обнаружил, что незаметно для самого себя принял приглашение Сатору. Оказалось, он и впрямь чертовски соскучился по обычной себе. Даже по той безумной сладкой лапше с кремом из эдамаме, которую его несносный друг умудрялся готовить под соусом кулинарных экспериментов.

И все же его предвзятость по отношению к обычным людям оставалась тяжелым, нерушимым бременем. Ему требовалось время, чтобы примириться с этим миром. Даже теперь, когда проклятых духов на земле почти не осталось, а новые маги-заклинатели больше не рождались.

Сугуру решил увидеть этот мир своими глазами. Наотрез отказавшись от щедрой финансовой помощи, которую Сатору предлагал со свойственным ему барским размахом, он облачился в свою старую школьную форму Магического колледжа, тепло попрощался с директором Ягой и покинул Готэм.

Окружающая реальность разительно отличалась от той, к которой он привык. Здесь кишели

люди со сверхспособностями, а улицы наводняли безумцы всех мастей — то ли наглотававшиеся запрещенных препаратов, то ли просто лишившиеся рассудка. Движимый своим личным представлением о милосердии, Гето отлавливал этих буйных субъектов, аккуратно связывал и сдавал в ближайшие отделения Полицейского департамента. И копам статистика, и ему — скромная награда на дорожные расходы.

Он странствовал по свету, созерцал, учился и раз за разом спасал чьи-то жизни, порой даже не задумываясь об этом.

— Спасибо, дяденька! Вы такой добрый, — искренне произнесла спасенная им из-под завалов девчушка.

Ее слова эхом отозвались в груди Сугуру. Именно в ту секунду он вдруг осознал: пора возвращаться домой.

— Дяденька, а о ком вы сейчас думаете? — спросила малышка с испачканным в сажу личиком, забавно перекатывая за щекой леденец.

Гето крепче прижал ее к себе, ничуть не заботясь о том, что пыль и грязь окончательно испортят его одежду. Бережно передав ребенка в дрожащие от счастья руки родителей, он улыбнулся — той самой легкой, открытой улыбкой, какой улыбался давным-давно, в беззаботные школьные годы.

В его глазах, подернутых дымкой светлой грусти, читалось умиротворение.

— Я поссорился с одним очень дорогим мне человеком, — тихо произнес он. — Наша размолвка длилась долгие годы. Но сейчас... кажется, мне пора пойти и помириться с ним.

С тех пор пролетело еще четыре года.

Сугуру уверенно шагнул вперед, легким движением руки обратив парящего дракона в крошечную сферу из темной проклятой энергии, и привычным жестом проглотил ее.

Он поднял глаза и посмотрел на стоявшего перед ним Сатору Годжо — теперь уже двадцатичетырехлетнего. Тот небрежно подпирал плечом косяк входной двери. Высокий, подтянутый, с копной пушистых белоснежных волос, которые в лучах полуденного солнца казались сияющим ореолом.

Перед ним стоял совсем другой Сатору — не тот восемнадцатилетний мальчишка, полный надежд, и уж точно не израненный потерями двадцативосьмилетний мужчина из его прежних кошмаров. Но улыбался он точно так же, как в те далекие весенние дни: дерзко, бесшабашно и абсолютно свободно.

Сугуру посмотрел на друга и улыбнулся в ответ. В этой улыбке смешались юношеская искренность и глубокое облегчение человека, обретшего покой после долгого, мучительного пути. Они смотрели друг на друга сквозь незримую толщу прожитых лет, сквозь боль неверных решений и горечь вечной разлуки — чтобы наконец сделать этот единственный, самый трудный шаг навстречу. Два некогда разошедшихся пути сошлись в одной точке.

— Сатору, я вернулся.

— О-о-о! С возвращением!

И их ладони наконец сомкнулись в крепком рукопожатии.

<http://bllate.org/book/19544/2004537>